

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

CULTURE AND SOCIETY

УДК 304.2 + 316.624.2 + 316.752.4.

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-2-35-44

Ирина Сергеевна Дорогавцева,
кандидат культурологии, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30),
e-mail: irinadorogawzewa@mail.ru

Маргинализация традиции в современной России: Я и Другой в сознании криминальной субкультуры

Статья представляет собой попытку выявить специфические черты восприятия Я и Другого в сознании маргинального субъекта. В качестве объекта исследования выступает современная молодёжная криминальная субкультура; предмет исследования – репрезентация Я и Другого в текстах соответствующих тематических интернет-сообществ. В центре внимания автора – причины возникновения позитивного образа криминальной культуры в современном российском обществе. Установка на изоляцию, социальная пассивность, низкий уровень доверия, жёсткая граница между своими и чужими, доминирование в картине мира образа Врага выступают как следствие неприятия ценностей современного общества, в данном случае как попытка посттоталитарного субъекта противостоять трансформации социума и выходу на новый уровень развития. С отношением к Другому как к объекту связываются неспособность к диалогу, отсутствие критического мышления, ориентация на потребление. Автор приходит к выводу, что криминализованные группы маргинальны по отношению не только к современности, но и к традиционной культуре. Сочетание маргинальности и архаики в основе криминального сознания усиливает негативные тенденции последней и ослабляет её конструктивные элементы.

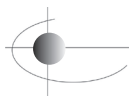
Ключевые слова: Другой, маргинализация, архаика, молодёжная субкультура, криминальная культура, посттоталитарное общество

Введение. Маргинализация современной российской культуры. Интерес к маргинализации (и даже криминализации) массового сознания сегодня растёт, особенно с учётом усиления тенденции к росту молодёжной преступности. Ситуация нередко обозначается как критическая. В качестве причин засилья криминальной культуры называют в основном отсутствие борьбы с воспроизводством структуры «зоны» в детских домах и учебных заведениях (что принято связывать с несовершенной системой воспитания), недостаточную организацию досуга и общий кризис культуры, проявляющийся в отсутствии достойных образцов для подражания.

Чрезвычайно важно, по нашему мнению, не столько описание сленга, обычаев, фольклора девиантных групп, сколько выявление общих закономерностей формирования соот-

ветствующего мировоззрения с выводами о возможном его влиянии на отношения субъекта с окружающим миром. Базисной структурой в восприятии субъектом самого себя и мира мы считаем отношение Я – Другой. От того, какой образ Другого конструируется в сознании, будет зависеть отношение и к собственному Я, и к природе, и к социуму. Нормы, ценности, установки группы, как правило, проявляются в её текстах; таким образом, интерес для нас в первую очередь представляет специфика конструирования Я-образа и образа Другого в текстах исследуемой субкультуры.

Методология и методы исследования. Тексты тематических интернет-сообществ как отражение картины мира криминализованной субкультуры. Критики указывают на то, что изучение культуры на основе тек-

стов интернета, в отличие от полевых исследований, имеет ряд недостатков – прежде всего это риск получения необъективных данных [3]. Безусловно, эта проблема существует, однако материалы интернета тем не менее представляются весьма ценным источником. Прежде всего, ощущение анонимности и отсутствие цензуры позволяет многим более свободно выражать свою точку зрения и в определённом смысле явить миру своё настоящее Я [11]. Речь идёт действительно о сконструированной реальности, и степень объективности не имеет значения, если предметом исследования является картина мира; субъект конструирует некий образ своего Я, что даёт возможность установить его идеалы, систему ценностей. Даже если мы имеем дело с некой виртуальной игрой, выбор криминального персонажа в качестве ролевой модели говорит о многом. Вне всякого сомнения, социальная реальность первична по отношению к производимым на её основе текстам, но не стоит недооценивать влияние виртуального мира на процесс социализации. Не только прямая связь с членами криминальных субкультур, но и приобщение к их культуре способно повлиять на становление мировоззрения и последующее поведение человека. Так, если сегодня АУЕ признаётся реально существующей молодёжной субкультурой, то не так давно это движение называли чисто виртуальной игрой для увлечённых специфической «блатной» романтикой [3, с. 373]. Специалисты указывают, что аббревиатура АУЕ не является самоназванием и, скорее всего, возникла, когда соответствующей субкультуре «дали смешно звучащее название в манере разговора заключённых. А уже потом сами «ауешники» подобрали к этому сочетанию букв слова»¹. Отношения между текстовой и внетекстовой реальностью, между действительностью и пародией на неё оказываются очень сложными – границы между двумя мирами размываются.

Визуальные образы доминируют в современной культуре, и поэтому паблики (публичные сообщества) в социальных сетях, основной контент которых представлен визуальными образами, можно рассматривать как важный источник информации. Отдельные страницы генерируют около сотни постов за сутки, таким образом, потенциал их воздействия на сознание читателя довольно велик. Критики могут возразить, что интернет-сооб-

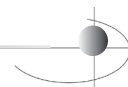
¹ Журбин М. Садитесь, дети [Электронный ресурс] // Русская планета. Чита. – Режим доступа: <http://www.chita.rusplt.ru/index/sadites-deti-20894.html> (дата обращения: 21.11.2017).

щество едва ли имеет право претендовать на выражение мировоззрения группы, поскольку оно, как правило, создаётся и модерируется небольшой группой лиц (или даже одним человеком). Несмотря на это, публичные сообщества интернета можно назвать продуктом коллективного разума. Количество подписчиков сообщества (иногда это сотни тысяч пользователей), оценка ими текстов, копирование и добавление собственного контента говорит о том, насколько близки читателям те или иные установки.

В своей работе мы предприняли попытку определить особенности восприятия Я и Другого криминальной субкультурой на основе анализа содержания посвящённых ей сообществ на сайте «ВКонтакте», который был выбран ввиду его наибольшей популярности в России. Предметом изучения стали сообщества, в названии которых встречается аббревиатура АУЕ, поскольку именно данному движению уделяется так много внимания в последнее время. Мы пришли к выводу, что особой специфики по сравнению с другими подобными сообществами у АУЕ нет, поскольку практически все близкие по тематике группы идентичны по своему наполнению.

Результаты исследования. Я и Другой глазами криминальной субкультуры: сочетания архаики и маргинальности. Содержание интернет-сообществ не ограничивается тюремной символикой и фольклором, хотя эта тема и относится к основным. Анализ содержания 300 графических сообщений в трёх пабликах² показывает, что в мироощущении поклонников криминальной субкультуры преобладает негативизм – около 40 % постов включают такие темы, как одиночество, брошенность, ненависть к врагам, предательство, агрессия (как вербальная, так и выраженная визуально – через демонстрацию оружия, актов насилия и т. п.). Недоверие к миру здесь – базовая установка, мир предстаёт как потенциально опасный: вокруг «гнилые люди», и каждый непременно будет предан, поплатившись за свою доверчивость. Страх перед обманом становится почти навязчивой идеей: «Предательство – это всего лишь вопрос времени...», «Ты – или другой. Бери – или отнимут. Не нанесёшь удар – ударят тебя», «А если бизнес замутил с друзьями, друзьям не верь, обманут...».

² АУЕ (<https://www.vk.com/aye123aye77743304> (более 40 000 подписчиков); АУЕ. Шпана (<https://www.vk.com/cheetka> (более 100 000 подписчиков); АУЕ (https://vk.com/aye_brodagi (более 40 000 тысяч подписчиков). Все приведённые в статье цитаты взяты из данных источников.

Вызывает интерес отношение к Другому как к врагу. Потенциально враждебным видится каждый, однако постоянно ощущается присутствие собственно Врага, причём Врага извечного, роль которого в данном случае играют правоохранительные органы. Фотографии полицейской машины или человека в фуражке оказывается достаточно для всплеска ненависти, проявляющейся в появлении ругательных комментариев. Враг становится непременным атрибутом образа мира.

Гендерный аспект отношения Я – Другой демонстрирует сходство репрезентации женского как Другого в криминальной и традиционной патриархальной культурах. Здесь доминирует та же двойственность женского образа – женщины делятся на две категории – «порядочные» и «непорядочные». К первым причислены мать либо идеальная возлюбленная – единственная, скромная, верная. Ко вторым относятся «девушки для красоты», которые порочны и приносят человеку только страдания, прежде всего изменами. Проблема предательства/страха перед обманом доминирует и здесь. *«Чем больше парней знает девушку, тем меньше хочется знать её»*, *«Парни любят девушек с хорошим прошлым»* – текстами подобного рода сопровождаются фотографии милых «домашних» девушек. В отношении к женскому хорошо заметна жёсткая разделённость мира на своих и чужих. Свои требуют любви и уважения, в то время как чужие – всего лишь средство развлечься. Женщина в целом позиционируется как объект. Женские и мужские роли чётко различаются, несоответствие традиционным представлениям о них осуждается, что проявляется в демонстративном мачизме и гомофобии.

Женщина как мать занимает особое место в мировоззрении субкультуры. Образ матери идеализирован, обычно она изображается как фольклорная «мать-старушка» – единственный близкий человек, способный дать поддержку, понять и принять. Семья, близкие люди занимают первое место в системе ценностей (более 18 % публикаций связаны с темами «семья» и «любовь»). Следует, однако, обратить внимание на тот факт, что, в отличие от матери, отец упоминается крайне редко. Мать также зачастую изображается как удалённая в пространстве – предлагается вспомнить о ней, не забывая, навестить её. Модель семьи для «настоящего пацана», если судить по визуальным образам, – это одинокая мать, несчастная, получающая мало помощи от сына, постоянные

неприятности которого причиняют ей боль. Сын чувствует свою вину (если ему напомнить), но не намерен менять образ жизни – такова уж его судьба и такова материнская доля – ждать сына и надеяться на лучшее. Родной очаг по-прежнему идеализируется, но налицо отклонение от патриархального идеала большой стабильной семьи.

Базовое недоверие к миру требует какой-то компенсации, и в качестве таковой выступают идеальные образы матери и возлюбленной. К ним примыкает идеальный друг/брат как опора в полном враждебном мире. Теме братства и верной дружбы посвящено около 10 % постов. Настоящим считается друг, всегда тебя понимающий, всегда готовый прийти на помощь, независимо от того, прав ли ты; его долг – встать на твою сторону только потому, что ты – Свой (*«Мне вообще по **й, кто прав. За своих я буду уничтожать»*). В создании образов идеального братства чаще всего используются популярные персонажи массовой культуры; герои сериала «Бригада» и фильма «Брат» вызывают особое уважение – кадры из фильма сопровождаются типичными для социальных сетей «философскими» цитатами типа *«Цените не тех, кто с вами в лучшие моменты жизни. А тех, кто с вами всегда»*. Другие формы «идеального братства» – мафиозная «семья», какой она представлена в «Крестном отце», и дворовая компания хулиганов. Несмотря на романтизированную, представляемую внешне позитивно близость «друзей навсегда», внутреннее содержание образа глубоко деструктивно, и идентификация с ним потенциально опасна – ведь выбранные в качестве ролевой модели герои никогда не приходят к успеху (все главные герои «Бригады» погибают, как и значительная часть персонажей других криминальных фильмов), они не способны строить отношения с окружающими, в их поведении доминирует установка на разрушение, в том числе саморазрушение. Кроме того, возникает некоторое противоречие между мечтой о вечной дружбе верных товарищей и установкой на одиночество и готовность в любой момент быть обманутым «теми, кто рядом». Эта дезориентированность и наличие исключаящих друг друга установок – характерные признаки маргинального сознания.

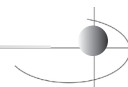
В мире маргинала господствует убеждение, что добиться чего-либо человек может, только вырвав это у другого. Жизнь видится постоянной борьбой враждующих групп или одиночек. За что же ведётся эта борьба? Прежде всего речь идёт о статусе – необхо-

димо занять более высокий, иначе есть риск попасть в изгой. Страх лишиться положения в группе – один из самых сильных, не случайно представители описываемых субкультур, к примеру, в повседневной жизни отказываются выполнять действия, которые в их системе «понятий» снижают статус (уборка, в том числе за собой, вынос мусора и т. п.). Физическая сила, умение влиять на других, принадлежность к авторитетной группе (например, настоящей преступной группировке) – признаки высокого положения в социальной иерархии. Кроме того, статус можно подчеркнуть соответствующими предметами. Престижные вещи – одна из доминирующих тем, их фото (машины, часы, оружие, деньги, «блатные» автомобильные номера и т. п.) составляют около 1/5 от общего количества публикаций. Одновременно прослеживается негативное отношение к чужому богатству, бизнесу, социальному неравенству в целом – предприниматель характеризуется как «барыга», которого не грешно обокрасть, и такой антикапитализм можно рассматривать как элемент во многом архаического сознания маргинальной культуры. В текстах звучит благоговение перед материальными ценностями; нередко выражается уверенность в том, что наличие достаточного количества денег и/или шикарного авто делает сговорчивыми даже неприступных девушек: *«Однажды ты будешь скучать по мне, а я мимо проеду на своей машине»*. Популярная история – брошенный парень проезжает мимо изменницы на чрезвычайно «крутой» машине, после чего девушка понимает, как она ошиблась. Примечательно, что герои текстов, в том числе «былей», подобных упомянутой выше, почти всегда находятся в ситуации, когда они должны во что бы то ни стало доказать другим свою значимость. Как мы уже говорили выше, стремление проигрывать сцены такого рода в сознании (и идентифицировать себя с их героем) может быть связано с ощущением собственной ненужности, прежде всего ненужности самым близким людям.

Способ, которым предполагается получить столь желанные материальные ценности, – преступление (которое не расценивается как таковое, так как направлено на «чужих»). Поскольку социальное пространство видится как дезинтегрированное, состоящее из множества мелких групп, где каждый «сам за себя» [10], то считается нормой отобрать у другого. *«Бомбану там магазин и куплю нам лимузин. Будешь ты царицею везде», «Если Хочешь Вкусно Жрать, Надо Чаше*

Воровать» – подобные тексты наглядно демонстрируют жизненные установки маргинала. Смысл понятия «вор» искажается, в результате чего формируется идеализированный образ благородного героя – одиночки, бросающего вызов несправедливым законам, но чтящего закон своих «братьев». *«Я не преступник! Просто я живу по сути! Как жить должны порядочные люди!!!»* – для маргинального сознания такая фраза не содержит никаких противоречий. Нельзя утверждать, что каждый разделяющий эти взгляды обязательно пойдёт на воровство, однако трудно не согласиться с тем, что нарушение закона им будет пониматься как вариант нормы. Труд же как способ честно добиться желаемого выступает скорее в качестве анти-ценности, слово «работа» ассоциируется с низким статусом и встречается в основном во фразах типа *«Пускай работает железная пила – а меня не для работы мамка родила»*. Сходное понимание труда можно обнаружить в архаической картине мира: высший идеал – не трудиться вовсе. Вспомним героев народных сказок – они приходят к сытой и праздной жизни, причём часто хитростью и обманом.

Ориентация на потребление распространяется в данном случае не только на мир вещей, но и на межчеловеческие взаимоотношения. Речь идёт о стремлении манипулировать другими и опасении, что они станут манипулировать тобой. Если пользоваться терминами М. Бубера, отношение Я-Оно доминирует над отношением Я-Ты [2]. Кризис межсубъектных связей, неумение позитивно эти связи выстраивать (в результате недостаточной социализации) приводит к восприятию Другого как объекта, причём любого Другого. Именно на Другого перекладывается ответственность за проблемы. Ожидается, что любимая и мать будут тебя вечно любить и прощать, друг всегда будет готов помочь, а ещё лучше – взять твою вину на себя. Маргинальный субъект обычно занимает позицию жертвы, исходя из того, что все неприятности приходят извне. Возникает образ судьбы, над которой человек не властен (*«Не мы такие, жизнь такая»*). Перевернутая система ценностей представляет вора безвинно пострадавшим, а наказавших его – бездушными монстрами, ломающими жизни молодым. *«Посадили в тюрьму, а зачем, почему – не пойму»* – неумение и нежелание осознать свою неправоту (и вообще взглянуть на себя глазами Другого), так же, как гипертрофированное желание быть значимее, говорит об инфантилизме в отношениях с миром. Цель собственной жиз-

ни также довольно инфантильна и эгоистична – «жить красиво» («*Делаем плохие вещи, но делаем красиво*», «*Умри красиво*», «*Играй красиво*», «*Скоро права получу – вообще не выходите на улицу*»), произвести впечатление, не думая о последствиях.

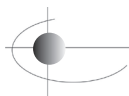
Отношение к самому себе как к Другому должно проявляться в умении посмотреть на себя со стороны, в способности к эмпатии. Брошенные собаки, раненые волки, нищие инвалиды войны, избитые хулиганы и тому подобные изображения, которые так популярны в тематических сообществах, на наш взгляд, не говорят ничего о понимании чувств Другого, поскольку цель у этих трогательных изображений иная – создавать основу для самоидентификации. Способность же увидеть себя глазами Другого становится заметной в первую очередь при наличии *критического* взгляда на себя.

Самокритику и самоиронию мы рассматриваем как основные признаки толерантного и эмпатического сознания. Ирония сегодня не случайно понимается как общая тенденция современного мышления. По мнению А. Лефевра, ирония освобождает от воли к власти, разрушает мистификации, сопутствует деидеологизации [8]. Самоирония как критический взгляд на себя требует ощущения постоянного присутствия Другого, который способен поставить под вопрос кажущееся мне незыблемой истиной; самоирония как саморефлексия означает, что Я выступает одновременно субъектом и объектом, принимая на себя таким образом роль Другого. Ироническое мышление становится доминирующим в плюральном поликультурном обществе, где сосуществуют самые различные идеи и практики, не претендующие на абсолютную истинность. Напротив, в догматичном монологическом мире, полном нетерпимости к инаковости, иронии места нет, место критической рефлексии занимают пафос и самогероизация. Это особенно характерно сегодня как для разного рода националистических движений, так и для криминальной субкультуры. Ирония не свойственна текстам пабликов типа «АУЕ» или «Братва», юмор там если и присутствует, то весьма примитивный, чаще имеющий сексуальный подтекст (насилие над презируемым врагом/враг в крайне униженном положении), либо основанный на демонстрации собственной удали (хулиганство, вандализм, быстрая езда, порча полицейских автомобилей и т. п.). В основе шуток, таким образом, лежит стремление возвыситься самому или принизить Другого.

Обобщение результатов исследования. Место маргинальных групп в социальной структуре общества. Популярность криминальной культуры не только у часто склонных к негативизму подростков, но и у старшего поколения, причём у тех, кто не считает себя маргиналом (вплоть до того, что сленг постепенно нормативизируется, в том числе в СМИ), говорит о глубокой укоренённости маргинального мышления в российском обществе. К сожалению, несмотря на актуальность проблемы, криминальным субкультурам в России по-прежнему посвящено сравнительно мало трудов по сравнению с зарубежными исследованиями [3].

Молодёжь с маргинальным поведением (или как минимум мировоззрением) – проблема, типичная для всех современных обществ. Ещё в 1930-е годы Д. С. Лихачев отмечал необычайную схожесть словаря преступников разных стран, использование ими идентичных понятий, указывал на однотипность мировоззрения у криминальных групп независимо от культурной принадлежности [9]. Исследование, посвященное *chavs*, британским «гопникам» [20], подтверждает тот факт, что членами криминальных группировок молодые люди становятся по схожим причинам. Многим это даёт ощущение единства, товарищества, которое нередко отсутствует в окружающем мире, становящемся всё более фрагментированным. У человека, не имеющего чёткого представления о собственном будущем, появляется шанс на самоутверждение, возникает ощущение осмысленности бытия. О. Джоунс видит корни маргинализации молодёжи в социально-экономической сфере (бедность, безработица и др.), следствием которых, по его мнению, становится чувство безнадежности – многие не видят никаких перспектив улучшения своей жизни [20, с. 219–220]. Ещё одна предпосылка криминализации – проблемы внутри семьи. Р. Мейсон и Дж. Уигли на основе проведённых ими опросов лиц от 14 до 23 лет делают выводы о том, что 13 из 15 *chavs* имеют ранее судимых друзей или родственников [21, с. 178]. Кроме того, исследователи обращают внимание на то, что *chavs* чаще других описывают своё детство как тяжёлое, гораздо реже получают высшее образование, а также почти не интересуются религией, в отличие от 2/3 «обычных» подростков, которые говорили о том, что относят себя к той или иной религиозной конфессии [21, с. 179].

Существует и другой подход к вопросу. Так, криминолог Дж. М. Хагедорн считает роль

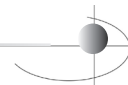
локальных проблем в усилении криминальных групп незначительной и утверждает, что причиной является процесс глобализации и связанное с ним ослабление функции государства в жизни человека; по мнению Хагедорна, утрата чувства защищённости, отсутствие гарантированных занятости и услуг имеют прямым следствием деморализацию, недоверие молодых людей к государству и их попытки найти справедливость (и новую идентичность) в иных формах общности, какими и становятся преступные группировки [18]. Можно, однако, предположить вслед за С. Систиг [22], что маргинализацию вызывают не сами по себе глобальные изменения, но скорее неприятие их определённой частью общества и неумение/нежелание найти своё место в новом мире.

Установка на строгое следование нормам субкультуры у криминализованной молодёжи говорит о наличии «внутреннего Другого», но этот Другой – не тот, с кем вступают в межсубъектные отношения, не носитель инаковости, а некий высший непререкаемый авторитет. Есть устойчивые модели поведения, соответствие им делает жизнь более простой и понятной; не вписывающееся в рамки стандартного вызывает недоверие, поскольку усложняет привычную картину мира и вызывает этим дискомфорт. Х. Арендт приходила к выводу, что именно вследствие социальной изоляции и неумения выстраивать нормальные межчеловеческие взаимоотношения и возникает столь патологическая преданность какому-либо тоталитарному движению, которая даёт субъекту ощущение стабильности [1, с. 422]. Маргинальное сознание, таким образом, опасно тем, что таит в себе зачатки тоталитаризма (который, в свою очередь, культивирует маргинальность, разрушая общественные институты и межчеловеческие связи). Характеристики криминальной субкультуры во многом схожи с типичными авторитарными чертами, (структурирование мира как системы бинарных оппозиций, инфантильность, потребность в жёстких правилах, крайняя нетерпимость, недоверие к миру, перекладывание вины на Другого) [17, с. 397–443]. В упомянутом выше исследовании Д. С. Лихачева культура преступного мира также описывается как основанная на инфантильном сознании, косная, догматичная и деспотичная [9]. Не случайно криминальные субкультуры, в отличие от многих маргинальных образований, чаще отличаются занятием «охранительной» позиции по отношению к традиции (это заметно, например, в их неприязни ко многим молодёжным субкультурам).

В дискуссиях о криминальных молодёжных субкультурах порой высказывается опасение по поводу их «протестного потенциала» – склонность к неприятию системы власти как таковой якобы способно привести молодых людей к экстремизму и «антиправительственным выступлениям». Мнения подобного рода говорят о непонимании природы данной субкультуры. Как мы видим, несмотря на свою крайнюю маргинальность, она в целом консервативна и настроена враждебно как раз к «протестным» группам (включая многие современные субкультуры с заметной атрибутикой и общественные движения) и группам меньшинств. «Воровать у государства» не считается в маргинальной среде чем-то плохим, напротив, это понимается как способ компенсировать социальную несправедливость, однако вряд ли можно говорить о стремлении к дестабилизации или изменению общественного строя. Как отмечают и зарубежные авторы, повстанческий потенциал банд близок к нулевому, напротив, они имеют склонность искать сотрудничества с правоохранительными органами (при наличии там коррумпированных элементов), чтобы иметь возможность утвердиться в качестве экономического игрока и продолжать свою рискованную деятельность без помех [19]. «Реальные пацаны» политически и социально довольно пассивны. Можно предположить, что если криминализованная молодёжь и способна поддержать какие-либо экстремистские политические силы, то, скорее всего, речь будет идти об экстремизме консервативно-охранительном, направленном на торможение идущего процесса демократизации и реставрацию архаичных (тоталитарных) институтов.

Экспансия маргинальных установок как процесс, обратный модернизации. В целом можно говорить о тенденции представлять проблему маргинализации в России как воздействие внешних негативных факторов на в целом нормальную, приемлемую культурную среду [15]. Гораздо реже высказывается мнение о системном характере кризиса, о том, что в действительности молодёжные субкультуры криминального типа оказываются далеко не маргинальным явлением на общекультурном фоне [12, с. 231–234].

А. Н. Олейник уверен в том, что экспансия маргинального образа жизни объясняется самой общественной структурой [10]. Он, как и ряд других авторов [13; 14], характеризует современное российское общество как общество незавершённой модернизации, в ко-

тором ещё не сформированы общественные институты, призванные быть посредниками между формальной властью и повседневной жизнью людей и обеспечивать единство разных социальных групп. Вне гражданского общества социум оказывается всего лишь «маленьким обществом», раздробленным на локальные группы, слабо связанные друг с другом. В таком обществе, сравнимом с традиционной крестьянской общиной, взаимодействие между универсальными и узкогрупповыми нормами сведено к минимуму, в результате чего доминируют последние, в том числе и на государственном уровне. Другие группы воспринимаются как «чужие», и отношение к ним сильно отличается от отношения к «своим». Взаимное недоверие, отрицание закона как чего-то навязанного извне, слабая межгрупповая солидарность – всё это оказывается в такой ситуации естественным; нормой становится действовать в интересах узкого круга «своих», даже в ущерб другим. Без развития институтов гражданского общества, ориентированного на универсальные нормы и включённость Другого, полагает А. Н. Олейник, искоренение установок криминалитета в массовом сознании недостижимо.

Понятие «маленькое общество» описывает практически тот же тип отношений, что и «общество с низким культурным капиталом», о котором говорит Л. Харрисон [16]. Ограничение пространства доверия узкой группой «своих», неспособность идентифицировать себя с другими членами социума, расхождение между нормами внутри и вне своей группы, страх нового – это то, что, по мнению Л. Харрисона, отличает общество, противостоящее прогрессу, то есть экономическому развитию и демократизации. Увеличение радиуса идентификации и степени доверия, напротив, способно стать важным фактором развития.

Исследователи посттоталитарного общества говорят о характерной для него тенденции к сопротивлению переменам, проявляющейся не только пассивно – в ностальгии, но и активно – в попытках реставрировать прошлое, имеющим место на всех уровнях социума. Л. Гудков, анализируя постсоветскую ситуацию, указывает на такие проблемы, как инфантилизм, девальвация ценностей, коллективный цинизм, примитивизация социальной действительности, ориентация на изоляцию, усиление роли образа Другого как врага в массовом сознании [4; 5]. Эти черты общества негативной мобилизации, которые выражены так ярко у криминализованных

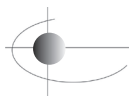
субкультур, связываются им с сохранением и воспроизводством в современном российском обществе тоталитарных структур, препятствующих трансформации. Тоталитаризм, будучи маргинальным и архаичным по своей сути, сформировал соответствующий тип сознания, который продолжает доминировать во многих сферах. Посттоталитарный субъект остаётся враждебным по отношению к инаковости, не способным к диалогу и, соответственно, к адекватному восприятию своего Я [6].

О том, что маргинальная культура близка по духу современным россиянам, рассуждают и исследователи фольклора. Е. С. Ефимова проводит параллели между «блатной» музыкой и традиционным фольклором, выявляя в них элементы архаики и приходя к выводу, что интерес к маргинальному связан с поиском собственных истоков, с попытками формирования новой идентичности [7]. Человек, ощущая себя чужим в быстро меняющемся мире, пытается остановить (хотя бы в своём сознании) время – логично связать с этим внутренним дискомфортом тягу к маргинальным идеям, особенно к тем, что уводят к идеализированному прошлому, в котором всё кажется простым и понятным.

Выводы. Криминальная культура представляет собой искажённый, утративший связь с породившей его культурной традицией элемент архаики, экспансия которого свидетельствует о кризисе в обществе, о неприятии изменений его значительной частью. Усиление данных тенденций чревато как дальнейшей социальной и культурной деградацией, так и (при наличии благоприятных условий) реставрацией тоталитаризма.

Процессы, ведущие к усложнению, дифференциации социокультурного пространства, несомненно, идут в современном российском обществе, однако чаще они имеют вид частных защитных реакций на откат общества назад. Элементы архаического устойчивы, что делает трансформацию общества сложным процессом.

Хотя тенденция к примитивизации и маргинализации в той или иной степени затрагивает все слои общества, особенно подвержены ей наиболее уязвимые группы молодёжи. Виной тому в первую очередь социальная и культурная изоляция и отсутствие позитивных моделей значимого Другого и возможностей идентификации с Другим, вследствие чего они порой не вырабатывают даже элементарных внутренних механизмов усложнения, которые препятствовали бы выходу ар-

хаических структур сознания на поверхность. В качестве таких защитных механизмов могут выступать наличие культурного капитала, социальная активность, вовлечённость через процесс образования и коммуникацию в общемировой культурный контекст – все те идеи и практики, которые предполагают открытость, индивидуализацию, плюральность, осознание права Другого на различие и умение продуктивно взаимодействовать с окружающими.

Однообразие содержания проанализированных нами текстов позволяет говорить о наличии ограниченного количества моделей, лежащих в их основе. Эти схемы отражают базовые структуры мышления, определяющие отношение к миру и своему месту в нём. Выделение таких универсальных схем демонстрирует наличие взаимоисключающих установок:

1. Типичные черты *архаического* общества: чёткая граница между миром своих и чужих, преобладание коллективного над индивидуальным, ориентация на нормы и ценности своей группы.

– Мир делится на своих и чужих, для них действуют разные законы.

– Враг есть всегда. Чужие таят в себе опасность.

– Близкие дороже всего. Всегда следует помогать своему, даже если он не прав. Свой всегда поможет.

– Жить просто, но по правилам – достойно, даже если не добился успеха.

2. Типичные черты *маргинального* мировосприятия: цинизм и крайний эгоизм, ощущение социальной исключённости, низкий уровень доверия, противопоставление себя всему миру.

– Свои законы я создаю сам. Законы других для меня ничто.

– Человек одинок. Каждый может предать.

– Я должен доказать другим, что я сильнее их/что я чего-то стою.

Криминализованное мировоззрение, таким образом, маргинально по отношению не только к современности, но и к архаике. Его нельзя назвать носителем традиционного сознания в чистом виде, поскольку нормы и ценности традиционного общества здесь искажены – позитивные установки, направленные на консолидацию, на солидарность внутри своей группы и следование её правилам, нивелируются циничным отношением к ним; негативные же установки (репрезентация Другого как врага, недоверие к миру), напротив, усиливаются.

Список литературы

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. Бубер М. Я и Ты: пер. с нем. М.: Высш. шк., 1993. 175 с.
3. Громов Д. В. «Пацан» как объект научного исследования // Славянская традиционная культура и современный мир. М.: ГРЦРФ, 2011. С. 364–373.
4. Гудков Л. Д. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М.: Новое лит. обозрение: ВЦИОМ-А, 2004. С. 650–686.
5. Гудков Л. Д. Феномен негативной мобилизации // Общественные науки и современность. 2005. № 6. С. 46–53.
6. Дороговцева И. С. Отражение кризиса идентичности в литературе переходного периода (на примере романа Вольфганга Хильбига «Я») // Вопросы филологии. 2012. № 3. С. 48–54.
7. Ефимова Е. С. Современная субкультура как «маргинальная» устная культура // Неприкосновенный запас. 2004. № 4. С. 101–104.
8. Лефевр А. Введение в современность. Прелюдия первая. Об иронии, майевтике и истории // Неприкосновенный запас. 2012. № 2. С. 11–56.
9. Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона / авт.-сост. Д. С. Балдаев [и др.]. М.: Края Москвы, 1992. С. 354–405.
10. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: Инфра-М, 2001. 418 с.
11. Ранчин А. М. Сознание современного российского общества в комментариях Рунета // Неприкосновенный запас. 2010. № 1. С. 171–183.
12. Сотков О. Л. Гопники: делинквентная молодёжь или социокультурный мейнстрим российской провинции? // Кризис: гуманитарные стратегии преодоления. 2009. С. 231–234.
13. Трубицын Д. В. Идея «многофакторности» исторического процесса и проблема модернизации Востока (Н. С. Розов, Л. С. Васильев, В. А. Зарин) // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 1. С. 70–74.
14. Трубицын Д. В. «Мегатенденция мирового развития» или «модернизация»: методологическая дилемма // Полис. 2010. № 6. С. 76–89.
15. Ханипов Р. А. Укоренённость тюремных и криминальных практик в культуре современного российского общества // Мир России: социология, этнология. 2008. Т. 17, № 3. С. 132–148.

16. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма / пер. с англ. Ю. Кузнецова. М.: Мысль, 2014. 286 с.
17. Allport G. W. Die Natur des Vorurteils / Herausgegeben und kommentiert von C. F. Graumann. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1971. Pp. 397–443.
18. Hagedorn J. M. A World of Gangs: Armed Young Men and Gangsta Culture. Foreword by Mike Davis. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. 216 p.
19. Hazen J. Understanding Gangs as Armed Groups // International Review of the Red Cross. 2010. No. 878. June. Pp. 369–386.
20. Jones O. Chavs: The Demonization of the Working Class. London, New York: Verso, 2012. 300 p.
21. Mason R. B., Wigley G. The 'Chav' Subculture: Branded Clothing as an Extension of the Self // Journal of Economics and Behavioral Studies. 2013. Vol. 5, No. 3. March. Pp. 173–184.
22. Sistik S. Wandel der Ich-Identität in der Postmoderne? Zeit und Erzählen in Wolfgang Hilbigs „Ich“ und Peter Kurzecks Keiner stirbt. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2003. 147 p.

Статья поступила в редакцию 27.11.2017; принята к публикации 20.01.2018

Библиографическое описание статьи

Дорогавцева И. С. Маргинализация традиции в современной России: Я и Другой в сознании криминальной субкультуры // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 2. С. 35–44. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-2-35-44.

Irina S. Dorogavtseva,

Candidate of Culturology, Associate Professor,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: irinadorogawzewa@mail.ru

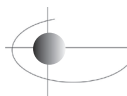
Marginalization of Tradition in Contemporary Russia: The Self and the Other Represented in Web Communities of Criminal Subcultures

The article is an attempt to reveal some specific traits of the Self- and the Other perception in the consciousness of a marginal subject. The target of the research is the contemporary criminal youth subculture, with the Self and the Other representation in its Internet communities as the subject of the analysis. The paper is centered on the positive image of criminal culture in modern Russian society. The Other is regarded as an object, and it causes the inability to dialogue, the lack of ironic thinking and consumption orientation. The dominating role of enemy images, the attitude of isolation, a low level of trust and a rigid distinction between the own and the strange are regarded as the result of the rejection of modernity's values, in this case as an attempt of a post-totalitarian society to resist its transformation. The author concludes that criminalized groups are marginal not only to modernity but also to tradition. Criminal consciousness combines marginal and archaic traits in such a way that negative elements of the latter intensify and the constructive ones decrease.

Keywords: The Other, marginalization, archaism, youth subculture, criminal culture, post-totalitarian society

References

1. Arendt, H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Moscow: TsentrKom, 1996. (In Rus.)
2. Buber, M. Ich und Du. Moscow: Vysshaya Shkola, 1993. (In Rus.)
3. Gromov, D. V. "Patsan" as an Object of Scientific Study. Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremenny mir. Moscow: 2011, pp. 364–373. (In Rus.)
4. Gudkov, L. D. Russian Neotraditionalism and Opposition to Change. Negative Identity. Articles of 1997–2002. Moscow: 2004, pp. 650–686 (In Rus.)
5. Gudkov, L. D. The Phenomenon of Negative Mobilization; Obshchestvennye nauki i sovremennost'; no. 6, pp. 46–53, 2005, (In Rus.)
6. Dorogavtseva, I. S. Reflection of Identity Crisis in Literature of Transitional Period (on the example of the novel *Me* by Wolfgang Hilbig). Voprosy filologii, no. 3, p. 48–54, 2012. (In Rus.)
7. Efimova, E. S. Modern Subculture as a "Marginal" Verbal Culture; Neprikosnovenny zapas, no. 4 (36), pp. 101–104, 2004. (In Rus.)
8. Lefebvre, H. Introduction to Modernity: First Prelude. On Irony, Maieutic and History. Neprikosnovenny zapas, no. 2, pp. 11–56, 2012. (In Rus.)
9. Likhachev, D. S. Primitive Features in the Speech of Thieves. Dictionary of Criminal Slang. Ed. by Baldaev D. S., etc.; Moscow: 1992, pp. 354–405 (In Rus.)

10. Oleynik, A. N. Prison Subculture in Russia: from Everyday Life to the Government. Moscow: INFRA-M, 2001. (In Rus.)
11. Ranchin, A. M. Consciousness of a Modern Russian Society in Ru-net Comments. *Neprikosnovenny zaspos*, no. 1, p. 171–183, 2010. (In Rus.)
12. Sotkov, O. L. Gopniki: Delinquent Youth or Sociocultural Mainstream of Russian Province. *Krizis: gumanitarnye strategii preodoleniya*, 2009, pp. 231–234 (In Rus.)
13. Trubitsyn, D. V. The Idea of the “Complexity” of Historical Processes and the Problem of Modernization in the Orient: Contemporary Interpretations by Russian Scholars (N. S. Rozov, L. S. Vassilev, V. A. Zarin); *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 1, pp. 70–74, 2007. (In Rus.)
14. Trubitsyn, D. V. “Megatrends of World Development” or “Modernization”: Methodological Dilemma; *Polis*, no. 6, pp. 76–89, 2010. (In Rus.)
15. Khanipov, R. A. The Embeddedness of Prison and Criminal Practices in the Culture of Contemporary Russian Society. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya*, vol. 17, no. 3, p. 132–148, 2008. (In Rus.)
16. Harrison, L. Jews, Confucians, and Protestants: Cultural Capital and the End of Multiculturalism. Moscow: Mysl', 2014. (In Rus.)
17. Allport, G. W. *Die Natur des Vorurteils / Herausgegeben und kommentiert von C. F. Graumann*. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1971. Pp. 397–443. (In Engl.)
18. Hagedorn, J. M. *A World of Gangs: Armed Young Men and Gangsta Culture*. Foreword by Mike Davis. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. (In Engl.)
19. Hazen, J. Understanding Gangs as Armed Groups. *International Review of the Red Cross*, no. 878, pp. 369–386, 2010. (In Engl.)
20. Jones, O. *Chavs: The Demonization of the Working Class*. London, New York: Verso, 2012. (In Engl.)
21. Mason, R. B., Wigley, G. The 'Chav' Subculture: Branded Clothing as an Extension of the Self. *Journal of Economics and Behavioral Studies*, vol. 5, no. 3, pp. 173–184, 2013. (In Engl.)
22. Sistig, S. Wandel der Ich-Identität in der Postmoderne? Zeit und Erzählen in Wolfgang Hilbigs „Ich“ und Peter Kurzecks *Keiner stirbt*. Würzburg: Könighausen & Neumann, 2003. (In Engl.)

Received: November 27, 2017; accepted for publication January 20, 2018

Reference to the article

Dorogavtseva I. S. Marginalization of Tradition in Contemporary Russia: The Self and the Other Represented in Web Communities of Criminal Subcultures // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 2. PP. 35–44. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-2-35-44.